

ПОСВЯЩЕНИЕ К «ФАУСТУ»

Татьяна Молева

В день смерти Пушкина в толпе друзей поэта можно было увидеть смуглого молодого человека среднего, почти высокого роста с широкими плечами, крупными чертами лица, с длинными темно-русыми волосами. Глаза его были заплаканы. Вернувшись домой, он дрожащей рукой написал стихи «На смерть Пушкину».

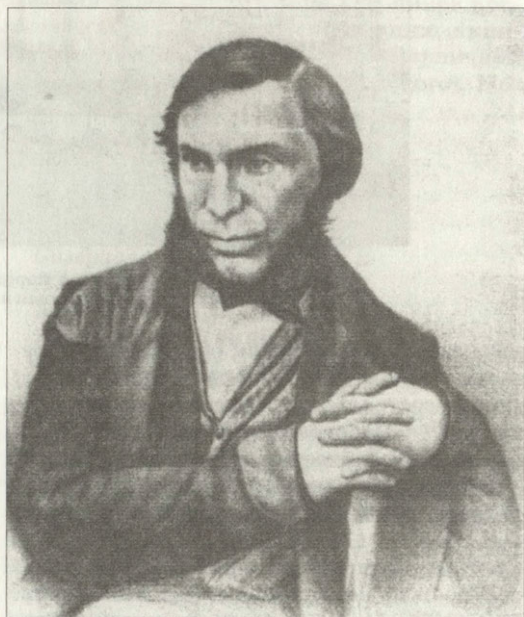
Я видел гроб его печальный,
Я видел в гробе бледный лик
И в тишине с слезой прощальной
Главой на грудь его поник.
Но пусть над лирою безгласной
Порвется тщетная струна
И не смутит тоской напрасной
Его торжественного сна.

Автором этих строк был уже известный литературному Петербургу поэт Эдуард Губер. В тот год ему исполнилось двадцать три.

Имя Эдуарда Ивановича Губера сегодня почти забыто. А ведь в 1859–1860 годах в издательстве «Смирдин-сын и К^о» вышел трехтомник его стихов. Автор предисловия А.Г.Тихменев, близко знавший поэта, писал: «Окружающая жизнь не удовлетворяла его, желчь и ненависть к неправде кипели в нем, но подчинялись одностороннему пониманию искусства, выражаясь в общих, неопределенных формах, с примесью мистицизма, от которого стоило ему высвободиться большого труда. Этот труд был тяжело нравственный и мешал как жизни, так и творчеству: этот вечный, но непрерывный труд образовал в его характере ту странную смесь непосредственности с тяжелыми, угловатыми проявлениями, которые нередко поражали даже друзей его. От этого вечно задумчивые взоры, эта небрежность ко всему внешнему, эта беспредельная беззаботность, эта оригинальная резкость манер вместе с тонким чутьем дружбы, вместе с потребностью любви, от этого желчная бледность лица, болезненность организма — все то, чем был все-таки незабвенный, всеми любимый Губер».

Эдуард Иванович Губер родился в 1815 году в немецкой колонии Messer — ныне селение Усть-Золиха. Это была одна из первых немецких колоний, основанных на юге России.

В пору своего творческого расцвета Эдуард Губер описал свое родное селение в поэме «Антоний»:

Первый переводчик «Фауста» —
«незабвенный, всеми любимый Губер»

На Волге бурной и широкой
Лежат богатые поля,
Луга шумят травой высокой,
В цветах красуется земля.

Прибрежных гор седое темя
Кругом на страже возлегло,
На те поля чужое племя
Свои пенаты принесло.
Сынов Германии разумной
Сюда Россия созвала
И на долинах Волги шумной
Им лес и поле отвела.

Там есть село, я помню живо,
Как на зеленых берегах
Оно раскинулось красиво
И отражается в волнах,
И в том селе в иные годы
На берегу, где плещут воды,
Был домик...

Отец Эдуарда Губера Иоганн Самуил был пастором. Однажды он предпринял попытку организовать типографию для издания церковной литературы, затем составил сборник церковных песен, которые и сегодня поют в лютеранских храмах.

Пастор Губер был человеком в высшей степени религиозным и начитанным. Чтение латинских, греческих и немецких авторов было его любимым занятием в кругу семейства.

Восемь лет, прожитых в отчем доме, оставили глубокие впечатления в душе будущего поэта. Первые уроки чтения и письма, конечно, на немецком языке, на котором исключительно говорилось в доме, получил он от своей матери. Отец запомнился ему долгими вечерними беседами.

Он был еще не стар годами,
Он даже молод был мечтами
И светлым взглядом на людей.
Он веровал, как в наши годы
Уже не верует никто,
В могучем образе природы
Ему являлось божество...

Он был учен, как все пасторы,
Он много жил и много знал,
Любил классические споры
И комментарии писал...

Ему и книгою настольной
Служил божественный Гомер,
Поклонник греческого неба,
Ценитель строгой красоты
Он не у нынешнего Феба
Искал восторженной мечты.

Отца Эдуард уважал, сильнее он любил мать. Эдуард Губер всю жизнь вспоминал ее. Светлый образ матери утешительно рисовался ему среди мистических видений:

Я помню заботы твои:
Ты мною жила и дышала,
Ты в стужу снимала лохмотья свои
И ими меня одевала.
Ты жесткое ложе травой устлала,
Малютку на нем уложила,
Ты целые ночи над ним не спала,
За ним и больная ходила.

В своих письмах он называл мать бесподобной. Так, в письме от 1837 года он писал: «Благодарю тысячу раз за Вашу нежную любовь. Я прочитал Ваши строки с истинно сладостным чувством. Ваша заботливость вызывала слезы на мои глаза, а я, право, не плаксивой природы. Много сокровищ хранит человеческая память, но самое драгоценное, самое прекрасное из этих сокровищ есть святое воспоминание о добрых родителях. И наслаждаюсь этим счастьем в высшей полноте его».

На четвертом году маленький Эдуард начал сам учиться читать и часто читал вслух. Особенно нравились ему рифмы. Когда ему читали «Заколдованного принца», он, невольно досадуя на то, что в стихе нет рифмы, старался исправить этот стих. Слушая чтение латинских стихов, пятилетний Эдуард спросил:

— Папенька, разве это стихи?
— Конечно, и даже прекрасные.
— Отчего же рифмы нет?

— Латиняне, и преимущественно Вергилий, избегали рифм.

— А кто это Вергилий?

— Это человек, с ранних лет говоривший стихами и написавший впоследствии прекраснейшие и благоразумнейшие стихотворения.

Маленький Эдуард серьезно задумался...

На седьмом году мальчик сам стал сочинять стихи и записывать их в свою тетрадь. Стихи были записаны им на немецком языке, а тетрадь носила по-детски наивное заглавие: «Полное собрание сочинений и писем. Издать после моей смерти».

Когда Эдуарду пошел девятый год, в 1823 году, отец его был переведен из колонии Messer в Саратов. Он стал пастором евангелическо-лютеранской консистории.

В Саратове Эдуард стал серьезно заниматься уроками, учился латинскому и греческому языкам у своего отца. Большое влияние на него оказал друг семьи и домашний учитель Игнатий Фесслер. Этот выдающийся ученый и политик, в недавнем прошлом профессор восточных языков и философии Петербургской академии, находился тогда в негласном изгнании. Обвиненный в безбожии, он потерял кафедру в академии и был удален из Петербурга. Его назначили членом Комиссии по составлению законов, отправив в городок Вольск Саратовской губернии. При поддержке тамошнего знаменитого купца Василия Злобина Фесслер построил церкви, дома призрения и больницы в Вольске, Саратове, Хвалынске, Царицыне, Камышине.

Образ ученого-наставника отчетливо запечатлела детская память Эдуарда Губера. Он изобразил Фесслера в поэме «Антонио» в образе угрюмого старика Сильвио:

В то утро старец знаменитый,
Суровым жребием гоним,
В чужой стране ища защиты,
И слаб, и хил приехал к ним.
Честолюбив, угрюм, бездушен,
Ничем нигде не утрашим:
И горд, и зол, и равнодушен.
Таков был Сильвио.

По приезде в Саратов у маленького Губера появился учитель русской словесности Волков. В очень короткое время Эдуард освоил русский язык и через четыре месяца поступил в саратовскую гимназию, директором которой был Миллер, горячий сторонник классического

образования. С чувством глубокого уважения гимназисты относились к преподавателю русской словесности Федору Ивановичу Волкову. Он готовил Эдуарда Губера в гимназию, он же и оказался главным его духовным наставником во время учебы. Волков и разгадал незаурядный поэтический талант своего воспитанника. Именно ему Губер передал свои юношеские литературные упражнения, которые учитель бережно хранил и передал биографам после смерти поэта, исполняя его завещание.

Первые стихи Губера были, конечно, слабы и подражательны, но в то же время свидетельствовали о несомненном даровании начинающего автора:

Я молод, кровь моя кипит,
Я жажду чести, жажду славы.
И старцем буду я без славы.
А между тем:
Все попирает вкус и мода,
Везде в цепях его свобода,
Везде и скука и печаль.

Саратовская гимназия в двадцатые годы прошлого века воспитала немало знаменитостей. К их числу принадлежал однокашник и друг Губера, известный русский химик Николай Зинин.

С юношеских лет Эдуарду Губеру посчастливилось иметь бескорыстного покровителя в лице баронессы фон Гейм, умной и образованной женщины, еще недавно блиставшей в столице, знавшей Жуковского, Карамзина, Дмитриева. Заброшенная волею судьбы в провинциальный Саратов, фон Гейм всегда оставалась для Губера добрым другом и советником.

Не без советов Фесслера родители решили отправить Эдуарда в Петербург для дальнейшего образования.

С грустью Губер покидал в 1830 году Саратов и первых друзей своей юности. Позднее он опишет тогдашнее свое состояние в одной из поэм:

В последний раз он топит взор
В родную даль, где синих гор
Встают громадные вершины.
За ними скрылся мирный дом,
Где ныне мать в тоске глубокой,
В своей молитве одинокой
Грустит о сыне молодом...
Душа впервые содрогнулась,
Он поблудил и на глаза
Немая, горькая слеза
Неволью, тихо наворачулась.

Дальняя дорога произвела сильное впечатление на юного поэта. Вот письмо Губера из Москвы к саратовскому другу семьи Г.Я.Тихменеву, сын которого, однокашник Эдуарда по гимназии, потом станет его биографом и издателем стихов: «Любезный друг Григорий Яковлевич! Москва слишком велика! Архитектура старинных церквей безобразит ее... Нет! В Москве надобно жить несколько лет, чтобы с нею по-

знакомиться, несколько месяцев, чтобы ее объехать, а несколько дней ничего не значат».

Позже он говорит о ней уже по-другому:

Москва! Изобразить дерзну ли
Тебя, любимицу мою?
И песню бедную сложу ли,
Мой славный город,
В честь твою.

По приезде в Петербург Губер выдержал экзамен в Корпус инженеров путей сообщения, куда давно был записан кандидатом по желанию отца. С рекомендательным письмом баронессы фон Гейм юноша явился к ее дальнему родственнику поэту Жуковскому. Губер с восторгом описывает встречу с Василием Андреевичем:

«Многоуважаемая Мавра Алексеевна! — пишет Губер баронессе. — Есть мысли, для которых люди не могли придумать приличные слова, есть чувства, для которых нет выражения. К этим чувствам принадлежит благодарность... Я видел Жуковского! Я видел того, кто начертал свое имя в скрижали бессмертия. Он принял меня так ласково, как сможет принять великий человек».

Сохранилось несколько писем Губера в Саратов к родителям и друзьям. Содержанием их были сообщения о столичных новостях, о литературной жизни, о собственных литературных опытах.

«Что делает любезный град Саратов? Все ли на том месте? Как здравствует великая семья прусских эмигрантов, эта персонифицированная история бедственного состояния, этот скучный отрывок из длинной проповеди на первую неделю великого поста? Через какие-нибудь шесть или восемь лет, когда я окончу свои учебные занятия, я, наверное, посетю Саратов. Я наперед радуюсь увидеть опять и тех, кого привык уважать, и тех, кого уважать нельзя».

Мрачное расположение духа мистического свойства, незнание жизни и отзывчивую душу привез из Саратова Губер в холодный и надменный Петербург. Он начинает печататься в журналах «Телескоп», «Сын Отечества», «Северный Меркурий», «Библиотека для чтения» и этим мало-помалу зарабатывает себе на жизнь. К этому времени он уже блестяще овладел русским поэтическим языком.

«По части поэтической я могу похвалиться успехами, и, может быть, большими, я пишу не для печати, и это по Вашему совету, но в рукописи передаю по возможности в лучшие руки мои поэтические отрывки... — писал он Г.Я.Тихменеву 30 декабря 1833 года. — О! Дайте мне врываться на волю, и я разрешусь от бремени, которое терзает мою внутренность, тревожит ум и воспалит воображение».

В письме к сестре двадцатилетний Губер сообщает: «Всего более охотно бываю я по четвергам у Греча. У него собираются люди образованные и талантливые. Это день для меня самый

приятнейший в неделе тем более, что у него собираются все знаменитые русские поэты и литераторы и трактуют по большей части о поэзии и литературе, судят о новостях и т.д.».

Губер увлекся переводами немецких авторов. В письме к саратовской покровительнице фон Гейм он признался:

«Пламенные мысли Шиллера и теперь волнуют грудь мою и стремят ее к высокому и неприступному. Его вера — моя вера, святая истина, проповедуемая им, — мой лучший идеал, мой ум, мое сердце, мое чувство, воля — вся жизнь моя».

Поэт переводит Шиллера. По совету высокообразованного Фесслера, молодой поэт читывается в произведении Гете и задумывает перевод «Фауста». Занятый в то время приготовлениями к должности адъюнкт-профессора русской литературы при Инженерном институте, Губер переводит по ночам.

В конце 1835 года перевод «Фауста» был окончен. Но цензура не дала разрешение на издание. В отчаянии Губер разорвал рукопись.

В письме к брату в 1836 году он сообщает: «Любезный Теодор! Ежели я решусь когда-нибудь отдельно печатать свои стихи, то я изберу для этого «Современник», потому что я весьма коротко познакомился с Пушкиным, который весьма одобряет мои произведения, особенно перевод «Фауста», за которым я сидел почти пять лет; в прошедшем году он был готов, но цензура его не пропустила, и я с досады разорвал рукопись. В нынешнем году я по настоянию Пушкина начал его во второй раз переводить. Еще раз повторяю, ежели я решусь вступить в журнальный цех, то я, конечно, изберу партию Пушкина».

Губер с восторгом рассказывает о встречах с Пушкиным: «Не могу не упомянуть, с какою милою обходительностью, с каким ласковым простодушием Пушкин принимал начинающих литераторов. Я видел несколько из так называемых знаменитостей наших, но, сравнивая жалкое меценатство, напыщенное снохождение... с привлекательным, открытым простодушием Пушкина, я не мог не убедиться, что достоинство тем выше, чем проще».

Пушкин настаивал, чтобы Губер вторично принял за перевод «Фауста». Он помогал советами, редактировал переведенные куски и условился, что будет принимать Губера, если тот каждый раз будет приносить отрывки из «Фауста».

Смерть Пушкина Губер пережил как потерю близкого человека. Невыразимой грустью наполнены строки стихотворения «На смерть Пушкина». Стихотворение это ходило из рук в руки, и было известно не менее знаменитого лермонтовского «На смерть поэта».

В письме родителям Губер признается: «Любовь Пушкина ко мне, его влияние на литературу вообще не кончилось с его жизнью». А в ноябре 1838 года в «Современнике» появляется большой отрывок из «Фауста» в переводе Губера и с его посвящением — «Незабвенной памяти Пушкина».

В «Предисловии», которое автор предпослал переводу, рассказана вся предыстория этого труда. Первый переводчик бессмертного творения великого Гете сообщает читателям: «Еще в 1835 году я кончил первый перевод «Фауста», который по не зависевшим от меня обстоятельствам был уничтожен тогда же. Некоторые уцелевшие отрывки этого перевода познакомили меня с Пушкиным; им я обязан счастливыми минутами, проведенными мною в беседах с человеком, который любил и ценил все изящное, все прекрасное. Эти минуты навсегда останутся в памяти моей, как грустное воспоминание об утраченном, невозвратимом счастье. Пушкин ободрил меня ко второму переводу, который я нынче представляю на суд читателей. Живое участие, советы и одобрения нашего поэта воспламеняют меня новыми силами при этом новом труде».

Перевод «Фауста» был хорошо встречен Белинским и Тургеневым.

В 1839 году Губер по болезни уходит в отставку со службы и целиком отдается литературной работе. Он приобретает славу мрачного поэта, творчество которого отмечено печатью трагизма и надрыва. «Видение», «Одиночество», «Моя гробница», «Могила» и т.д. — эти заголовки красноречиво отражают мироощущение поэта, которое им овладевает все больше и больше.

В 1845 году Губер издает небольшой сборник своих стихов.

Этой книжке посвятил целую статью Белинский, отметивший в произведениях Губера «хорошо обработанный стих, много чувства, еще больше неподдельной грусти, меланхолии, ум и образованность». Есть в книжке и обращенное к Пушкину «Посвящение к «Фаусту».

Когда меня на подвиг трудный
Ты, улыбаясь, вызывал,
Я верил силе безрассудной
И труд могучий обещал...

Тогда неведомые муки
Глубоко в грудь переселились,
И думы в пламенные звуки,
В глаголы жизни облеклись.

Прожил Эдуард Губер тридцать два года. О последних днях его жизни рассказал В.А.Соллогуб: «Он давно страдал от хронической болезни в сердце, которая осуждала его на мучительные бессонницы и предвещала ранний конец; но он не унывал духом и бодрствовал до тех пор, пока силы не изменили ему. 5 апреля он занемог в одном доме, где был принят с давнего времени как родной, и под этим гостеприимным кровом, столько раз приютившим его одинокую жизнь, тихо скончался в кругу своих друзей. Болезнь его была сопряжена с тяжкими страданиями, но конец его был светел и тих. Он умер 11 апреля. 15 числа Губера опустили в могилу на Волковом кладбище».